

УДК 811.163.3

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ДИСТАНЦИРОВАННОСТИ В ДЕЙКТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МАКЕДОНСКОГО ЯЗЫКА

Наталья Владимировна Боронникова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. natboronnikova@rambler.ru

В статье анализируется семантика дистальных именных показателей, маркирующих дистанцированность. Дистанцированность рассматривается через понятие «личное пространство». Это индивидуальное буферное пространство, которые мы сознательно формируем вокруг себя (включает интимную зону и часть социальной сферы). Показателем дистанцированности говорящий обозначает удаленные объекты. Нейтральное указание осуществляется только в ситуации первичного дейксиса. Здесь возможна ретроспекция ситуации в прошлое и будущее. С ретроспекцией связана оценочная функция: говорящий относит маркируемые объекты к определенному классу и подвергает их экспрессивному сравнению. Дистанцирование приводит к исключению предмета речи из личного пространства.

Ключевые слова: дейксис; дейктические показатели; дистанцированность; дистальность; личное пространство.

Предметом исследования в статье является значение одной из составляющих дейктической системы македонского языка – показателей дистальности, маркирующих удаленность предмета речи от говорящего (сюда включаются указательное местоимение и членная морфема с корнем *-н*). Обозначения «проксимальный», «медиальный», «дистальный» детерминатив – традиционные наименования членов троичных дейктических систем.

Понятие дистанцированности, как правило, несколько шире понятия дистальности, которое традиционно используется как грамматический термин. Наименование «дистанцированность» применяется для обозначения реального физического расстояния, выполняющего психологические функции, или измерения разделённости или неоднородности окружающих лицо предметов. В македонистике понятие дистанцированности использует З. Тополинская. По ее мнению, оно является определяющим в условиях языковых контактов: для успеха коммуникации собеседники должны максимально четко отличать события-факты с конкретной временной референцией от предполагаемых и/или постулируемых событий, объекты с конкретной предметной референцией от неопределенных и/или чисто виртуальных объектов. В этих условиях очень важно,

чтобы язык располагал транспарентными сигналами соответствующих оппозиций, ясными и однозначными экспонентами временной и предметной/пространственной референции, т.е. экспонентами категорий, которые знакомы нам под лингвистическими терминами *фактивность, модальность, определенность* [Тополинская 2009: 45]. Среди грамматических средств, попадающих под понятие дистанцированности, З. Тополинская выделяет категорию эвиденциальности. Эта категория может быть осложнена отношением говорящего к информации или источнику информации, выражающимся в недоверии, удивлении, иронии и др. Эвиденциальность и эпистемическую модальность З. Тополинская объединяет под общим названием «дистанцированность» [Тополинская 2009: 47–49]. На наш взгляд, понятие дистанцированности можно рассматривать более широко, включая сюда не только эвиденциальность, но и указательность, эксплицирующуюся в балканском дейксисе. Об эвиденциальности и указательности как о базовых категориях балканской модели мира говорит в своем исследовании Т. В. Цивьян [Цивьян 2005].

Рассмотрим категорию «дистанцированность» через принятое в психологии понятие личного пространства. Личное пространство – это неко-

торое индивидуальное пространство, которое мы сознательно формируем (оно включает интимную зону личности (в том числе и внутренний мир) и некоторую часть ее социальной сферы). Размер этого пространства зависит от степени близости с окружающими. Эта область имеет невидимую и мобильную границу, которую другие люди обычно не могут нарушить, не вызвав при этом психологического дискомфорта. Широко известно, что межличностная дистанция зависит не только от индивидуальных характеристик субъекта, она также культурно обусловлена. Культурно обусловленная дистанция находит свое отражение в речевых произведениях этноса, говорящего на каком-либо языке (личному пространству в языке посвящены многие исследования (см., например, работы Ю. Д. Апресяна [Апресян 1997], А. В. Кравченко [Кравченко 1995], В. И. Шаховского [Шаховский, Жура 2002] и др.).

Личное пространство имеет дейктическую организацию. Субъект речи производит отбор действующих лиц, формирует пространственные и временные рамки языкового сообщения. Универсальная дейктическая модель **я – здесь – сейчас** лежит в основе любого языка, однако способы конкретного членения мира индивидуальны для каждого отдельного языка, они отражают социальный опыт языкового коллектива и имеют особый комплекс языковых средств выражения. При этом, как отмечает В. А. Плунгян, «кодирующая система оказывается не безучастной к содержанию сообщения, но оставляет на этом сообщении свой собственный отпечаток» [Плунгян 2000: 254]. Значимые для какого-либо этноса семантические составляющие фиксируются не столько в лексической, сколько в грамматической системе языка.

Основу дейктической системы македонского языка составляют три показателя: **-в**, **-т**, **-н**, показывающие степень удаленности предмета речи от говорящего и соотносящиеся с ролевым дейксисом (о системе македонского артикля см.: [Боронникова 2007]). По мнению Т. В. Цивьян, «<...> главной функцией балканского дейксиса остается *присвоение субъектом пространства*, идет ли речь о реальном пространстве или о пространстве текста и дискурса. <...> Балканский дейксис настойчиво ориентирован на субъекта сообщения, принятого за точку отсчета; субъект сообщения формирует свое собственное пространство, очерчивает его границы и тем самым вносит лепту в создание балканского пространства (БП). Одна из особенностей БП – сложное переплетение *своего* и *чужого*, что проявляется в непреложности этой оппозиции как данности,

как основы членения мира и одновременно в динамическом колебании значений в пределах самой этой оппозиции. Соответственно членение пространства (в данном случае – балканского) должно быть сугубо относительным» [Цивьян 2005: 141]. На наш взгляд, относительность членения пространства субъектом сообщения – это универсальная черта, характерная для любого языка, а вот подчеркнутое членение пространства на *свое* и *чужое*, отражающееся в лексике и грамматике, говорит о специфике балканского менталитета [Цивьян 2005; Балканска слика на светот 2006].

Типичным маркером личного пространства говорящего являются показатели ближнего дейксиса, границы этого пространства и его наполнение полностью находятся под контролем субъекта речи [Боронникова 2011а; 2011б]. В личное пространство обычно включен сам говорящий и его внутренний мир, предметы, являющиеся его неотчуждаемой собственностью (или маркированные как неотчуждаемая собственность), его ближайшее социальное окружение. Расширение этого круга зависит от степени адаптированности субъекта в мире и социуме. Кроме того, этим же способом говорящий отмечает ближайшие временные рамки, чаще всего, это актуальный факт в прошлом. Как правило, то, что оказывается в личной сфере субъекта речи, имеет положительную окраску, редко пейоративную (подробнее см.: [Боронникова 2013]). В качестве способа что-либо исключить из этой сферы говорящий использует показатели с семантикой дистанцированности.

В македонском языке благодаря троичной системе указателей возможна градация степени дистанцированности. Проксимальные показатели, как отмечалось выше, указывают на включенность предмета речи в личное пространство. Показатели дистанцированности делятся на медиальные и дистальные. При использовании маркера медиальности, ориентированного на собеседника, актуализируется семантика удаленности или же включенности в сферу собеседника, оценка при этом, как правило, нейтральная. При употреблении показателя дистальности часто проявляется негативная оценка. Говорящий намеренно исключает предмет речи из своей сферы, подчеркивая резко отрицательное отношение к нему.

Рассмотрим подробнее случаи использования именных групп с **-н**. Показатели дистальности употребляются в ситуации первичного дейксиса: они указывают на удаленность предмета от говорящего в пространстве и во времени. Они также используются в ситуации вторичного дейксиса,

формируя личное пространство говорящего. Возможно использование показателей дистальности в катафорической функции в текстовом дейксисе, однако эти случаи мы рассматривать не будем.

Оценочно нейтральными случаями маркирования дистанцированности является обозначение физически удаленных от говорящего объектов в ситуации первичного дейксиса, дейксиса диалога. Говорящий может не сообщать, где конкретно расположен тот иной объект, актуализируя лишь сему «далеко отсюда, дальний», часто предмет находится вне его поля зрения (примеры 1, 2, 3):

(1) *Еве ти торбиче со леб, оди по планинана, таму ќе најдеш страв!* – му рекла мајка му. «Вот тебе котомка с хлебом, иди туда, в гору (=дальнюю), там найдешь страх!» – сказала ему мать (МНП);

(2) *Оди по мене, ќе те сокријам во одајана за гости.* «Иди за мной, я спрячу тебя в дальней комнате для гостей» (Р. Крле, Антица);

(3) – *А Етре, будалата, за кого си ја даде главата! Е, онаму во долон коските му останаа...* «Эх, Этре, дурачок, за кого же ты голову сложил! Вон там в долине кости его лежат» (Ж. Чинго, Сребрени снегови).

Вышеприведенные примеры относятся к художественному дискурсу. В спонтанных разговорных монологах и диалогах при анализе использования показателя дистальности наблюдается следующая закономерность: говорящий представляет себя включенным в некое поле, центр которого он маркирует показателями с **-в** (пример 4); то же, что находится в отдалении от центра, обозначено показателями с **-н** (примеры 4, 5):

(4) *И сега погледнеш одавде, а башка да се погледниш од Калено, ќе видиш дека полево е поплавено со куќи, куќа до куќа.* «А сейчас, если глянешь отсюда, а особенно если посмотришь с Кале (крепостные стены старого города, находятся на холме в центре города Охрид. – Н. Б.), то увидишь, что все наше поле буквально наводнено домами, дом на доме» (С. Димитроски, ОХ);

(5) *Кога одиш во Старион Град имат порта, Горна-Порта шо викаме, кун «Свети Климент».* «Когда идешь туда, в Старый город, там есть ворота, Верхние Ворота мы их называем, у монастыря св. Климента» (Н. Луканова, ОХ).

Тот же механизм наблюдается при расширении границ «поля»: в примере (6) личное пространство равняется стране, а то, что находится за ее пределами, – чужая территория, «заграница». Все, что происходит на «своей» территории, обозначается показателем проксимальности:

(6) ... *е-па, стварно немаат смисла времишчево... требаше Охрид да го одмине дождов, а Скопје да го олади... вака, ем пропаднат викенд во Охрид, ем неколна работна недела во Скопје... јас, изгледа, само по странЦвоно си го носам сонцето со себе... во земјава со него уште не сме се спогодиле (како што, впрочем, не сум се спогодила овде и за многу други „клими“ – не само метеоролошки!!!) ‘... нууу, погода никауда не годится... нужно бы было, чтобы дождь прошел мимо Охрида, а Скопье бы остудил... а так не только выходные в Охриде пропали, но и в Скопье адская рабочая неделя... я, судя по всему, только «Взаграницу» ношу с собой солнце, а дома мы с ним еще не договорились (как, впрочем, и с другими “погодными явлениями” – не только метеорологическими!!!)’* (<http://www.facebook.com>).

С лексемами, обозначающими время, членная форма **-н** употребляется крайне редко. Более характерно в этом случае использование указательного местоимения с семантикой дистальности, отсылающего к моменту в прошлом: (7) *Дали се сеќавате на онаа година кога...* «Помните ли вы тот год, когда... (название статьи. – Н. Б.)» (<http://www.fama.mk>); (8) *«Во врска со онаа ноќ» е една од најновите книги на Џули Џејмс.* «Вспоминая ту ночь» – одна из последних книг Джулии Джеймс» (<http://sakamknigi.mk>).

В ситуации вторичного дейксиса [Апресян 1997], «дейксиса к воображаемому» [Бюлер 2001], дейктических проекций [Падучева 2009] возникает феномен личного пространства. Личное пространство говорящего строится по модели первичного дейксиса. Оно может произвольно наполняться неодушевленными объектами, а также людьми, которых говорящий включает в свой «ближний» социальный круг. Чаще всего это члены семьи, дети, близкие друзья, соседи, коллеги по работе, единомышленники. Члены ближнего круга, как правило, маркируются инклюзивными лексемами **наш, мој** [Боронникова 2013]. То же, что противопоставлено «ближнему» кругу или принадлежит другому, отмечается как дистанцированное (9, 10):

(9) ИЛИЈА: *Некој иде... Каде да се сокријам?*

АНТИЦА: *По чекорине како туѓ човек да е, кој не идел во куќава.* ИЛИЈА: Кто-то идет... Куда мне спрятаться? АНТИЦА: Судя по шагам, это чужой человек, который не бывал у нас в доме» (Р. Крле, Антица).

(10) ИЛИЈА: *Рече: „Прво ќе наминам кај другаркине од Антица и ќе ги замолам да одат дома на поседа со работа.“* ИЛИЈА: Он сказал: «Сначала я зайду к подружкам Антицы и попро-

шу их прийти к нам домой с работой на посиделки» (Р. Крле, Антица).

Социальный фактор не всегда играет ведущую роль при формировании личного пространства; так, в примерах (11) и (12) на первый план выходит фактор физического размещения объектов в пространстве, а также семантика отчужденности, создаваемая за счет контекста и отбора лексем для обозначения лиц ближайшего социального круга (*сын, муж, родители*). Вместо ожидаемого показателя проксимальности автор использует показатель с семантикой дистанцированности:

(11) *Газдарицата намуртено ги гледа. Одмавнува со раката и изморена седнува, џбаражки несвесно по кумурот во скарата. Размислува: «Секој ден исто. Две поколенија пијаници. Народов споулавел. Парите си доаѓаат, сепак ништо не разбирам. Од кај им се? И ова курвиштево ако продолжи да си продава влакнестите нозе со вакво темпо ќе се збогати. Ќе мора да барам нова. А добра келнерка е. Јас стареам. Секое сабајле оној суртукон дома ме наредува: «Опери ме!» Метлата, правосмукалката, крпата и тавата. Бев најубава во целото маало. Стројна. Долги коси. Добар е, барем не се коцка и жени не брка. А и кај ќе брка? Кој би се свртел по него освен мене будалата? Зашто вака си го утнав животецов? Кафеџика. Кај ми беше умот? Синон израсна, љубов ќе води». ‘Хозяйка хмуро смотрела на них. Махнула рукой, устало села и, машинально перебирая уголь в мангале, начала размышлять вслух: «Каждый день одно и то же. Два поколения пьяниц. Народ одурел. Деньги прибывають, а где они их берут я все-таки не понимаю. И эта наша шлюха, если и дальше будет продавать свои волосатые ноги в таком же темпе, скоро обогатится. А ведь хорошая официантка. Придется тогда искать ей замену. А я старею. Каждое утро этот мой проходимец дома командует: “Постирай мне!” Веник, пылесос, тряпка и сковородка. А ведь я была первой красавицей в квартале. Стройная, длинноволосая. Он хороший, в карты не играет, по бабам не таскается. Да и куда ему? Кто бы посмотрел на него, кроме меня, дуры. Что я сделала со своей жизнью? Хозяйка кафе. О чем я думала? И сын вон вырос, скоро по девкам бегать будет» (С. Станковиќ, Тренирани сништа);*

(12) *Сакаат старине и да ме женат, џанам сакале внуци... ‘Старики вон хотят меня женить, мол, внуков им хочется от сыночка...’ (С. Станковиќ, Тренирани сништа).*

Расширение понятий *наш, свой* может касаться каких-либо этнических и культурных понятий, когда представители других этносов воспринимаются как чужаки, носители иных качеств, иной культуры (13, 14). Интересен пример из исторической пьесы македонского драматурга Ристо Крле «Антица» (13), в котором турецкий ага стучится в дверь к героине и сам себя именуется как чужака, врага, используя словоформу *агана*, а дверь, в которую он стучит, обозначает с помощью показателя дистанцированности, как бы ставя себя на место героини-македонки:

(13) ГЛАСОТ НА СЕЛМАН-АГА: *Отвори вратана, мори гаурко, ка дојде горе агана, ка љуби тебе малку.*

АНТИЦА: *Ах, ах, ах... сега ме јаде врагот!... Ако ми се качи горе, како што не е портана заклучена, не ми останува ништо друго освен да се фрлам преку пенџерињава.* ‘ГОЛОС СЕЛМАНА-АГИ: Открой двери, неверная, ага поднимется к тебе, немножко любить тебя будет. АНТИЦА: Ой-ой-ой..., сейчас погубит меня дьявол. Если он поднимется наверх, ворота-то не заперты, не останется мне ничего другого, как выброситься из окна’ (Р. Крле, Антица).

(13) *Дедо праша во што се состои мојата вина. Тато со потсмев кажа дека учителката се сомневала оти јас не можам да прочитам цела книга со македонски народни приказни за еден ден. Туку дека некој од дома ми ги раскажал. Тоа не било добро, бидејќи јас треба да се навикнам да читам сам.*

Дедо запали тутун и мудро праша: «И да ги знаеме македонските приказни, откаде ќе ги знаеме оние, за црнцине од Африка?» ‘Дедушка спросил, в чем я провинился. Папа с насмешкой сказал, что, мол, учительница сомневается, что я могу прочитывать всю книгу сказок за один день. Дескать, кто-то из домашних мне пересказал. Это плохо, потому что я должен привыкать читать сам.

Дедушка раскурил трубку и мудро спросил: «Даже если бы мы знали эти македонские сказки, откуда мы могли знать те, про негров из Африки?» (В. Плавевиќ, Амкање).

Другим случаем дистанцированности является обозначение каких-либо событий в прошлом и связанных с этими событиями участников и ситуаций. Происходит своеобразная ретроспектива событий, говорящий восстанавливает ситуацию, происходившую с ним в прошлом, и оценивает ее с позиции настоящего, маркируя средствами с семантикой дистанцированности (14, 15, 16):

(14) *Арно ама то-време немаше детерѓени, немаше овие прашкој, трујачи, таква-рџбота. Езероно пливаше од рипчина, пливаше.* ‘Однако в

то время еще не было этих самых стиральных порошков, химикатов, ядов не было, так вот. Озеро тогда полным-полнехонько было рыбы' (С. Димитроски, ОХ);

(15) *Прво ми се случи снегот. <...> Белината која доаѓаше однадвор ме принуди да се залепам на прозорецот како мрсул на плочка. Мадафака... Што е сега ова? Шок и стравопочит! Сивиот скопски крајолик одеднаш изгледаше како **оније белите торти** кои на времето ги правеа тетките не штедејќи од велешкиот маргарин во коцка. 'Первое, что со мной случилось, – это снег. Белый свет снаружи заставил меня прилипнуть к окну, словно соплю к плитке. Мазефака... Что это вдруг такое? Шок и страхопочитание! Серые скопские пейзажи внезапно стали выглядеть как те белые торты, которые раньше пекли теткы в Велесе, не жалея маргарина в кубиках' (С. Мацановски, Трендоленд);*

(16) *Мамо, вчера утро кога се сретнав со **другаркине**, ме прашаа кога да дојдат кај нас на поседа со работа (Имитира некоја). Пак Фроса: „Таа од некое време се држи како понастрана од нас. Да не нешто мајка и да не ја остава да дружи“.* 'Мама, вчера утром, когда я встретила своих подружек, они меня спросили, когда можно будет прийти к нам на посиделки. (Имитируя кого-то). Снова Фроса: «Она с некоторого времени как будто избегает нас. Неужто мать ее запретила ей с нами водиться?» (Р. Крле, Антица). В примере (16), который включает лексему **другарка**, как правило, обозначающую лицо, входящее в ближний социальный круг, героиня использует показатель дистанцированности, лишней раз подчеркивая, что событие произошло вчера и что она не согласна с мнением подруг.

Более сложный случай ретроспекции наблюдается в примере (17), где героиня размышляет о том, влюблен ли в нее молодой человек, каждый день приходящий в кафе, сомневается в себе, вспоминает ту девочку, которой когда-то была:

(17) *Сепак зошто се речиси секогаш овде, женски не ли имаат? Можеби навистина... еееј старо-аро, будало. Дебела си, брчкосана, а **детено** во тебе... Што ми стана? 'Почему же он все-таки почти всегда здесь, других женщин что ли нет? Может быть, на самом деле... Эх, дура ты старая. Толстая же, морщинистая, а все в тебе живет та девочка... Что же с тобой происходит?' (С. Станковиќ, Тренирани сништа).*

Кроме того, ретроспекция может быть и воображаемая, когда говорящий мысленно выстраивает проекцию в будущее, из которого он обращается к своему же прошлому:

(18) *Знаете, некогаш си пишувам сам себеси. Убеден дека за инает на сите лоши навики, сепак ќе доживеам длабока и мирна старост, честопати седнувам да му пишувам на **оној остарениот Трендо**. Да му се најдам кога на последните залачиња од меката попара ненадејно ќе му дојде желба да прочита нешто, да се *surne* себеси во старите и мемлосани хартии, со надеж дека **оној помладиот** ќе успее да изнуди барем малецка искра во неговите очи. 'Знаете, иногда я пишу сам себе. Я убежден, что, несмотря на все дурные привычки, доживу до глубокой спокойной старости. Часто я пишу тому, состарившемуся Трендо. Я пригожусь ему тогда, когда он, дожевывая остатки своей жидкой тюри, захочет вдруг почитать что-либо, захочет вновь увидеть себя самого в старых, пожелтевших листках, с надеждой, что тот, прежний, молодой Трендо, сумеет вызвать хотя бы искорку света в его глазах' (С. Мацановски, Трендоленд).*

Оценивая объект, говорящий относит его к тому или иному классу (см. примеры 19, 20). Оценка превращается в скрытую компарацию, где объектами сравнения являются два факта, относящиеся к разным временным пластам. Говорящий сопоставляет факты прошлого и настоящего и выявляет преимущество одного факта на фоне другого (21):

(19) *Одеднаш го затвара гепекот и носи една ќеса. Мене почна по малце ладна пот да ме облева, да не случајно неговата љубезност се претвори у најстрашната сцена од «Кошмар на Улицата на брестовите», да не е типов од **оније манијацине**, па да ми стегне една хебла...???'* 'Внезапно он закрываает багажник, на руке у него оказывается пакет. Я начала обливаться холодным потом, не превратится ли его любезность в самую страшную сцену из «Кошмара на улице Вязов», вдруг этот тип из тех самых маньяков, а не ударит ли он меня своей монтировкой...???' (Р. Пејовиќ, Сеир. Такси);

(20) *И така, Оливер Стоун конечно го пушти својот најнов филм. <...> Стоун реши, што би рекле пословично досадните филмски рецензенти, на големото платно да ни го пренесе ликот на Александар, некаде познат како Велики а некаде како Македонски. <...> Филм ко филм. Мене овој жанр не ми е од **оније омилениите**.* 'Итак, Оливер Стоун наконец-то выпустил свой новый фильм. <...> Стоун решил, выражаясь в стиле пресловутых кинокритиков-зануд, воплотить на большом экране образ Александра, где-то известного под именем Великий, а где-то – Македонский. <...> Фильм как фильм. Этот жанр не из моих любимых' (С. Мацановски, Трендоленд);

(21) *Купил касета, некоја ептен чудна. Ај да ја чуеме... Пред да видиме дали сме ја чуле, да објаснам за **оние** чија младост е изрежана на цеде: касетите беа прилично глуп концепт на тнр. носители на звук. Свиреа и од двете страни, ама тоа не менува ништо. После пар преснимувања на касетата, гласот на Марија Калас ви звучи како **оној на Мица Трофрталка** непосредно пред **фајронт** во извесна крчма на Ибарска магистрала. ‘Я купил кассету, какую-то очень странную. Дай-ка послушаем... Но прежде чем мы поймем, слушали ли ее раньше, объясню тем, чья молодость записана на CD: кассеты были довольно дурацким звуконосителем. Их можно было проигрывать с двух сторон, но это ничего не меняет. После пары перезаписей кассеты голос Марии Каллас звучал совершенно так же, как голос Мицы Трофрталки непосредственно перед закрытием небезызвестного кабака на Ибарской магистрали» (С. Мацановски, Трендоленд).*

Оценка действительности редко бывает нейтральной, она сопровождается эмоциями, которые показывают значимость референтов для субъекта речи. В связи с этим в лингвистике разрабатывается понятие эмоционального дейксиса, своеобразной индивидуальной картины мира, обусловленной отношениями адресанта к адресату, объекту, хронотопу и т.п. (подробнее об эмоциональном дейксисе: [Шаховский, Жура 2002; Шаховский 2008]). Значение дистанцированности, по нашим наблюдениям, часто сопровождается отрицательной оценкой с коннотацией пейоративности. Говорящий ставит перед собой задачу не только показать отношение к предмету сообщения, но и повлиять на мнение адресата, отбирая для этого соответствующие лексику и грамматические средства. Причем собеседники должны обладать общим фоном знаний. Особенно часто эмоциональное значение дейктических элементов проявляется при именах собственных и в так называемых двойноопределенных конструкциях эмфатического типа:

(22) ***Скопјанчиштана** го загадет енсероно (разговор меѓу две постари Охридски дами). ‘Эти жители Скопье (резко пейорат.) загаживают озеро (из разговора двух пожилых охридских дам)’ (www.kajgana.com);*

(23) ***Оздола живее оној Крстан шлакнатиот**, како што го знаеја, што се ожени за Зойка од Брезница. ‘Внизу живет тот самый Крстан Чокнутый, так его называли, который женился на Зойке из Брезницы’ (М. Јовановски, Будалетинки);*

(24) *Според мене јас имам прекрасни спомени од малиот град, за разлика од Скопје, никогаши*

*не може да завземе такво место во моето срце, зашто самиот град има некое студенило што произлегува од односот на **оние селаничиштана** што се прават изворни Скопјани и држат некоја ароганција, најлошо е “кад се опинок поципели”. ‘Что касается меня, то у меня прекрасные воспоминания об этом городке, в отличие от Скопье, который никогда не займет такое же место в моем сердце, потому что от самого города веет холодом, который возникает из-за отношения тех деревенщин, которые притворяются коренными жителями Скопье и ведут себя надменно; хуже всего, если «опинок (крестьянская обувь из кожи. – Н.Б.) возомнит себя башмаком»’ (www.kajgana.com);*

(25) *«Да ѝ кажам. Не, не. Море ќе ѝ кажам. Ама ако вреска. Мажена е. Ама не можам повеќе. Да им кажам на овие ќе се скинат од смење. Да, ќе ѝ кажам: Она: чисто и јасно. Картите на маса. Ќе се направам – одам во ВЦ, ќе ѝ пријдам и... што е, тука е. Може ќе попушти. Зошто да не, млад сум, здрав, прав, а **оној нејзиниот кускуле**. Каква позадина има! Малку а изветвена, ама шминка, крпи, и се јаде. Само да не ме погали по глава и да помисли дека сум детиште...». ‘Я должен ей сказать. Нет, нет. Все-таки скажу. А вдруг закричит? Она же замужем. Но я больше не могу. Если этим сказать, так они помрут со смеху. Да, я все ей скажу, коротко и ясно. Карты на стол. Сделаю вид, что направляюсь в туалет – подойду к ней, и ... и будь что будет. Может, она не устоит? А почему бы и нет, я молодой, здоровый, стройный, не то что этот ее коротышка. Какая же у нее задница! Она немного увяла, но красится-одевается, аппетитная. Только бы не погладила меня по голове, как ребенка...»’ (С. Станковиќ, Тренирани сништа);*

(26) *А патриотизмот е убава работа. Евелини ќе испадневме ептен патриоти да ја пееше Тоше на Евровизија **онаа песнана** – апликација за ЕУ, со а ла Радмила Шекеринска – текст, нешто како Европо, рашири раце! ‘А патриотизм – это хорошо! Вот в прошлом году мы бы выглядели супер патриотами, спой Тоше (Тодор Проески (1981 – 2007) – македонский певец, в 2004 г. выступал на «Евровидении». – Н.Б.) на Евровидении ту самую песню-заявку в ЕС с текстом а-ля Радмила Шекеринская (македонский государственный деятель, премьер-министр Македонии в 2004 г. – Н.Б.), что-то типа: «Европа, раскрой объятия!»’ (С. Мацановски, Интервју за Актуел, 24.12.04).*

Подведем итоги. С помощью показателя дистанцированности говорящий маркирует удаленные от него в пространстве и во времени объек-

ты. Простое (нейтральное) указание на удаленный объект возможно только в ситуации первичного дейксиса (я-здесь-сейчас). Кроме того, возможна ретроспекция ситуации в прошлое и будущее (ситуации вторичного дейксиса). С ретроспекцией напрямую связана оценочная функция дейксиса: говорящий относит маркируемые объекты к определенному классу и подвергает их экспрессивному сравнению. Намеренное дистанцирование приводит к исключению предмета речи (временному или постоянному) из границ личного пространства, свидетельствует либо об изменении его социального статуса в глазах субъекта речи, либо о смене отношения говорящего к референту. Для верной интерпретации оценки говорящего адресатом собеседники должны обладать общим фоном знаний.

Список источников с сокращениями

- Јовановски М. Будалетинки. Битола: Микена, 2008. 109 с.
- Крле Р. Антица. / Македонската драма меѓу двете светски војни. II книга. Приредил Александар Алексиев. Скопје: Македонска книга, 1976. С. 91–180.
- МНП – Македонски народни приказни / изб. Томе Саздов. Скопје: Детска радост, 1999. 69 с.
- Мацановски С. Трендоленд. Скопје: Табернакул, 2011. 680 с.
- Мацановски С. Интервју за Актуел. 24.12.04.
- ОХ – Така се зборува во Охрид / прир. Лилјана Гушевска и Лилјана Минова-Ѓуркова. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», Катедра за македонски јазик и јужнословенски јазици, 1999. 196 с.
- Пејовиќ Р. Сеир. Скопје: Планет прес, 2001. 144 с.
- Плавеvски В. Амкаџе. Скопје: Дирекција за култура и уметност на Скопје, 2001. 213 с.
- Станковиќ С. Тренирани сништа. Битола: Мисирков, 1987. 69 с.
- Чинго Ж. Сребрени снегови // Чинго Живко. Големата вода. Сребрени снегови. Скопје: Мисла, 1984. 324 с.
- URL: www.kajgana.com.
- URL: <http://sakamknigi.mk>.
- URL: <http://www.facebook.com>.
- URL: <http://www.fama.mk>.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1997. Вып. 35. С. 272–297.
- Балканска слика на светот / Прир. К. Кулавкова. Скопје, 2006. 525 с.
- Боронникова Н. В. О системе указателей в македонском языке // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Е. В. Ерофеева; Перм. ун-т. Пермь, 2007. Вып. 9: Анализ языковых единиц в социолингвистическом аспекте. С. 132–139.
- Боронникова Н. В. Дейктические показатели македонского языка как способ организации личного пространства // Славянский альманах: 2010. М., 2011а. С. 393–402.
- Боронникова Н. В. Показатели ближнего дейксиса как способ формирования личного пространства говорящего (на материале «Колумниве пред години – ТВ Сеирџија – Трендо») // Славянский мир в третьем тысячелетии: Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011б. С. 299–306.
- Боронникова Н. В. О посессивной функции артикля в македонском языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1(21). С. 71–81.
- Бюлер К. Теория языка (Репрезентативная функция языка). М.: Прогресс, 2001. 528 с.
- Кравченко А. В. Принципы теории указательности: дис. ... докт. филол. наук. Иркутск, 1995. 335 с.
- Падучева Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность // Статьи разных лет. М.: Языки слав. культур, 2009. С. 234–246.
- Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. 384 с.
- Тополињска З. Семантичка / граматичка категорија *дистанца*? // Предавања на ХЛ меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (11–28.VIII.2008). Скопје, 2009. С. 46–52.
- Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: УРСС, 2005. 280 с.
- Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Шаховский В. И., Жура В. В. Эмоциональный дейксис говорящего в межличностной коммуникации // Вопросы языкознания. 2002. №5. С. 38–56.

**TOWARDS THE CATEGORY “DISTANCING”
IN THE MACEDONIAN DEICTIC SYSTEM**

Nataliya V. Boronnikova

Reader of Theoretical and Applied Linguistics Department

Perm State National Research University

The paper deals with the semantics of the nominal distal indicators marking distancing of a subject of speech. Distancing is studied in the light of the concept of “personal space”. The latter is regarded as an individual buffer space, which we form around us (it includes intimate and social areas). A speaker marks objects removed from him in space and time with the distal indicators. Neutral reference to a remote in space object is possible only in a situation of primary deixis. Moreover, a situation of retrospection in the past and future is possible, too. The evaluation function of deixis is associated with the retrospection: a speaker refers the marked objects to a class, and subjects them to expressive comparison. Intentional distancing leads to exclusion of the subject of speech from the personal space.

Key words: deixis; deictic indicators; distancing; distality; personal space.